

Архетип советской психологии:

От сталинизма 1930х к «сталинистской науке» наших дней

(The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the “Stalinist science” of our days)

Антон Ясницкий, Екатерина Завершнева

Contents

Начальный этап: развитие психоневрологических дисциплин в Советском Союзе в 1920-е годы	3
Формирование сталинистской науки в 1930-е годы: Триумф советской психологии как научной дисциплины	6
Советская психология начала Холодной войны и завершение становления «сталинистской модели» советской науки	11
Архетип современной российской психологии: наброски к портрету	17
1. Централизация и контроль	18
2. Клановость и вождизм	20
3. Ритуальность	21
4. Разрыв между теорией и практикой	22
5. Интеллектуальный и лингвистический изоляционизм	23
6. Культизм и агиографичность	24
Литература	26

Российская психология возникла на богатой почве литературно-художественных, философских и естественно-научных традиций конца 19—начала 20 века и оформилась как научный институт приблизительно в те же годы, что и мировая психология. И тем не менее в первые десятилетия своего развития она представляла собой прежде всего успешную адаптацию зарубежного опыта. За исключением учения об условных рефлексах, представленного школами Павлова и Бехтерева, в русской психологии не было других научных школ, которые могли бы стоять рядом с такими крупными зарубежными направлениями, как психоанализ или гештальтпсихология. Положение дел в дореволюционной русской психологии удобно представить в неразрывном поле, определяемом крайними позициями за пределами собственно науки, но при этом во многом определяющими ее существование в конкретном в социальном контексте. Эти два полюса — философия, с одной стороны, и, с другой стороны, широко понимаемые индустрия и народное хозяйство. Если при этом для нас психология как научная дисциплина это неразрывное единство теории и эмпирических исследований (лабораторно-экспериментальных и практически-прикладных), то эта дисциплина для нас предстает в континууме «философия—общая психологическая теория—эмпирическая наука—общественная практика» (см. Таблицу 1).

1. Философия				
2. Общая (психологическая) теория				
3. Эмпирические исследования				
• Лабораторно-экспериментальные			• Прикладные	
4. Индустрия и народное хозяйство				
• Медицина и здравоохранение	• Образование и воспитание	• Промышленность и труд	• Военное дело	• Пропаганда и агитация

Таблица 1. Структурные компоненты научной дисциплины в социальном контексте.

Психология в дореволюционной России предстает перед нами в виде трех очень несходных дисциплин и соответствующих им видов общественной деятельности:

Первое. Спекулятивная психология университетского типа, нередко в высшей степени критически настроенная по отношению к какой бы то ни было эмпирической психологии. Фактически, несмотря на декларируемый интерес к «психологии», представители этого направления были философами или же философствующими представителями широкого спектра других видов интеллектуально-практической деятельности, от общественно-гуманитарных научных дисциплин вплоть до вненаучных областей, таких как, например, литература, изобразительное искусство, богословие или, скажем, психиатрическая практика.

Второе. Эмпирическая психология, широко применявшая лабораторный естественнонаучный эксперимент для изучения так называемых «низших» психологических процессов и при этом нередко допускавшая теоретические спекуляции для постижения не поддающихся, по мнению сторонников этого вида психологии, «высших», — т.е. духовных, надындивидуальных и общекультурных, или природно-организмических — процессов. Такие спекуляции проходили, как правило в духе спиритуализма или витализма, постулировавших, соответственно, «дух» и «жизнь» как фундаментальные объяснительные принципы этих теорий.

Третье. Прикладная психология, направленная в первую очередь на решение практических задач за пределами собственно академической деятельности и непосредственно связанные с общественными практиками в первую очередь в области образования и здравоохранения. Некоторые редкие представители этого направления могли занимать также и университетские кафедры, но при этом, несмотря на их участие в теоретических дискуссиях или в лабораторных исследованиях, тем не менее на первом плане для них всегда оставалась практически-прикладная деятельность в том или ином сегменте общественной практики.

Таким образом, несмотря на то, что психология в России на начало 1917 года была, казалось бы, хорошо представлена целым рядом интеллектуалов в разнообразных

институтах и организаций в стране, на самом деле, мы имеем дело с весьма разобщенными и нередко соперничающими видами психологии трех типов, и это не считая соперничающих группировок внутри каждого из этих направлений. Разрыв между этими тремя «психологиями» был велик и требовал воистину революционного сдвига в профессиональном сознании и общественной практике психологов. Русская психология как наука, отличавшаяся оригинальным замыслом и новаторскими методами его реализации, обязана всеми своими достижениями именно советской эпохе, в первую очередь – периоду бурных 1920–1930-х годов, когда, собственно, и была сформирована основа “советской психологии” в том виде, как мы знаем ее в наши дни.

Начальный этап: развитие психоневрологических дисциплин в Советском Союзе в 1920-е годы

Карнавальность послереволюционной эпохи взметнула на самый верх социальной лестницы тех, кто до тех пор был обречен в лучшем случае эту лестницу поддерживать, пока по ней поднимались вверх немногие избранные. Так, например, вчерашние выпускники университетов, зачисленные туда в рамках процентной нормы для евреев (порой даже по результатам лотереи), в одночасье становятся руководителями отечественной науки и активными соискателями все более высоких должностей и званий в советской академической иерархии: см., например, историю поступления в Московский университет Льва Выгодского, впоследствии – крупнейшего советского психолога (Levitin 1982; Van der Veer & Valsiner 1991; Фейгенберг 1996), или историю стремительного карьерного взлета Александра Лурия (напр., Лурия, 1994). Большевики исключительно высоко ставили науку, которая для них являлась одним из важнейших рычагов модернизации и преобразования всего народного хозяйства (Эткинд, 1990, Kojevnikov, 2004, Kremmentsov, 1997). Кроме того, весьма актуальным был вопрос о признании СССР за рубежом, и здесь трудно переоценить ту роль, которую играли в процессе укрепления его международной репутации и «культурной дипломатии» (David-Fox, 2012) известные деятели науки и культуры, примкнувшие к грандиозному большевистскому эксперименту по преобразованию человека и общества (в этом отношении очень характерен пример поразительной уступчивости и покладистости большевиков, сумевших убедить остаться в стране и склонить к сотрудничеству нобелевского лауреата И.П. Павлова, никогда не скрывавшего своей неприязни к новой власти; см. Todes, 1995, 2014).

Двадцатые годы без преувеличения можно назвать началом расцвета русской психологии. Именно тогда в науке зазвучали имена представителей новой плеяды молодых ученых, вдохновленных ницшеанскими идеями построения новой науки о человеке, ее решающей роли в революционном переустройстве мира. Одной из ведущих задач переживаемой эпохи представлялась утопическая “переплавка человека”, создание нового вида людей, которые овладеют собственной природой и раскроют ее неизвестные возможности (о русском утопизме, ницшеанской традиции в России и медико-биологических «революционных экспериментах» первой трети 20 века см. Kremmentsov, 2013; Rosenthal, 1986, 1994, 2002; Stites, 1989). За этой идеей стоял пафос безграничного расширения потенциала личности и ее активного, творческого отношения к миру. Именно поэтому в 1920-е годы на первый план выходит вопрос о специфической природе человека, его сущности, об особых, внеприродных законах его развития, которые не наследуются

генетически, но формируются посредством социума и культуры. В середине 1920-х годов фактически сформировались четыре взаимозависимых уровня социальной организации советской психологии и смежных наук, связывающие между собой философию и практику, а именно: 1) марксистская философия и диалектический материализм как философское основание общей психологии; 2) общая психология как теория верхнего уровня; 3) прикладные дисциплины (например, педология или психотехника); и 4) социальные институты и практики (медицина, образование, промышленность и др.) (см. табл. 2; для удобства презентации лабораторно-экспериментальная психология на схеме вполне сознательно здесь не представлена). Какие-то из этих теоретических и прикладных дисциплин зародились на западе и были импортированы русскими учеными из-за границы, в первую очередь из Западной Европы и Северной Америки, еще до революции 1917 года. К их числу относятся *педология* (известная также под такими названиями как «педагогическая психология» или «экспериментальная педагогика»), *психотехника* (иначе: «индустриальная психология»), *психотерапия*, и *психогигиена* (в Америке: *mental hygiene*) (об истории этих дисциплин на западе см., напр., Cohen, 1983; Дераере, Simon, & Gorp, 2003; Дераере, 1998, 2012; Hofstetter, 2004; Nisbet, 2002; Quen, 1977).

С другой стороны, появилось и несколько оригинальных дисциплинарных «брендов» советского производства, таких как *рефлексология* В.М. Бехтерева (его же «объективная психология» дореволюционного периода, по инициативе своего создателя резко сменившая самоназвание после прихода к власти большевиков; см., напр., Бехтерев, 1925), *реактология* К.Н. Корнилова и *дефектология*, понимаемая как комплексная научно-практическая деятельность в области преодоления детской «дефективности»: физической, психической, и социальной.

Согласно большевистскому требованию *практичности* науки, практика должна была стать тем пробным камнем, на котором требовалось испытать основные положения *марксизма*, т.е. второму требованию, предъявляемому властью к науке того времени. Данное требование можно было бы расценить как радикальный вызов философии, которая всегда позиционировала себя как теоретический взгляд на мир, однако оно являлось и продолжением идей Маркса о революционном обновлении мира. Психологии в этом деле отводилась особая роль, поскольку она должна была найти те способы переплавки и воспитания нового человека, которые впоследствии внедрялись бы на массовом уровне и привели бы к созданию народа будущего. Заметим, что эти теоретические требования подкреплялись в первую очередь запросами конкретной социальной действительности: страна после революций и гражданской войны лежала в руинах, и требовалось в короткие сроки модернизировать национальную — преимущественно аграрную — экономику, ликвидировать беспризорничество и неграмотность, реанимировать систему образования, прежде всего школьного, наладить врачебную помощь и обучить огромное количество людей новым профессиям (о большевистской модернизации и ее созвучности западным проектам модернизации общества начала 20 века см. Hoffmann, 2011). Не абстрактный теоретический интерес, а именно запросы практики вызвали бурное развитие прикладных психоневрологических дисциплин и различных отраслей, так или иначе связанных с конкретной действительностью.

Философия				
Общая (психологическая) теория: <i>психология, рефлексология, реактология</i>				
Прикладные эмпирические исследования: <i>психотерапия, дефектология, педология, психогигиена, психотехника</i>				
Индустрия и народное хозяйство				
Медицина и здравоохранение	Образование и воспитание	Промышленность и труд	Военное дело	Пропаганда и агитация

Таблица 2. Дисциплины советской психологии в 1920е годы.

Заметим, что подход советских психологов не ограничивался рамками психологии как отдельно взятой науки: при всемерной поддержке большевистской власти они стремились к созданию практического интердисциплинарного синтеза научно-практических мероприятий и своего рода парадигмы, которая теоретически могла бы распространиться на все науки о человеке, комплексного подхода, в котором дисциплины разного уровня и разной направленности работали бы согласованно и опирались на общее философское основание. С 1928 г. начали выходить новые научные журналы, такие как “*Психотехника и психофизиология труда*” (с 1932 – “*Советская психотехника*”), “*Психология*” и “*Педология*”. Развитие всех этих отраслей и направлений поддерживалось созданием многочисленных научных сообществ и исследовательских институтов, общее число которых по стране, согласно официальной статистике, выросло с 289 в 1914 году до 1263 в 1929-м (Культурное строительство в СССР 1956, 244; Бахракова 1973; Кольцов 1982).

В результате этих преобразований и к величайшему удивлению Запада, в Советском Союзе в предельно сжатые сроки возникает множество направлений и школ, представляющих науки о человеке. Первое официальное признание достижений советской психологии состоялось в 1929 году – на IX Психологическом конгрессе в Йельском университете делегация от СССР была третьей по величине из неамериканских делегаций (после Великобритании и Германии). Крупнейшие международные конференции по психотехнике (VII International Congress of Applied Psychology, or Psychotechnics, 1931) и физиологии (XV International Physiological Congress, Ленинград-Москва, 1935), прошедшие в 1930-е годы в Москве и Ленинграде, лишь закрепили успех советских психоневрологических наук (Ясницкий, 2010). Международный статус русской и советской психоневрологии на конец 1920-х годов отражен в классической книге Боринга *A History of Experimental Psychology*, в которой из всех русских авторов были кратко упомянуты лишь И.П. Павлов и В.М. Бехтерев (Boring 1929). Однако, уже год спустя в энциклопедическом издании “Психология в 30-м году” (*Psychologies of 1930*) Мерчисона впервые появляется раздел “Русская психология” (*Russian psychologies*), включающий три главы, посвященный теории высшей нервной деятельности И.П. Павлова, рефлексологии В.М. Бехтерева и “диалектико-материалистической психологии” К.Н. Корнилова (Kornilov

1930; Pavlov 1930; Schniermann 1930). Последовавший интерес к советской психологии не ограничивается изданием Мерчисона: в конце 1920–1930-х годов выходит целый ряд журнальных публикаций на иностранных языках (чаще всего на английском, реже — на немецком и французском языках) таких советских психоневрологов, как Лурия, Шнирман, Боровский, Кравков, Узнадзе, Выготский, Блонский, Богословский, К.И. Платонов и другие (Ясницкий, 2011а). Интерес к советской психоневрологии был настолько велик, что ряд американских специалистов в 1930-е годы посетили СССР с тем, чтобы ознакомиться с положением дел в области психоневрологических дисциплин и соответствующих им общественных практик. Как писал Р. Мак-Фарланд, обобщая результаты собственных наблюдений, проведенных в 1934 году в СССР (McFarland, 1935),

Несмотря на то, что к экспериментальным данным, полученным русскими учеными, следует относиться с осторожностью (по причине искажений, которые вносят в эксперимент чисто политические или экономические факторы), их вклад в науку, в особенности в психологию, следует признать весьма значительным и оригинальным.

Сходные оценки со стороны других западных наблюдателей касались, в частности, таких областей, как психотехника, психогигиена, дефектология, и педагогика, а также социальная практика организации промышленности, здравоохранения и системы народного образования (Berman 1939; Dewey 1928/1984, 1929/1990; Schultz & McFarland 1935; Viteles 1938; Williams 1934a, 1934b; Zacharoff 1931).

Суммируя сказанное выше, можно охарактеризовать 1920-е годы как период становления оригинальных научных школ и интеграции советской психологии в мировую науку. Кроме того, это был период фундаментальных междисциплинарных исследований, как теоретических, так и практических, которые советские психологи и педологи проводили в тесном сотрудничестве со специалистами из области медицины, педагогики, инженерии, искусствоведения, языкознания и др. (см., например: Bulgakowa, 2014; Ivanov, 2014). В итоге можно говорить о формировании к концу 1920-х годов иерархической системы психоневрологических наук, в которой мостом от философии к практике служили теории общего и среднего уровня, а также прикладные дисциплины.

Формирование сталинистской науки в 1930-е годы: Триумф советской психологии как научной дисциплины

«Великий перелом» — это лозунг, выдвинутый Сталиным в ноябре 1929, в разгар экономического кризиса, обрушившегося на экономически развитые страны Северной Америки и Западной Европы, который обозначил начало воистину революционных изменений в Советском Союзе в рамках государственного проекта по реализации новой модели государственного устройства. Это был крупнейший проект тотальной мобилизации всего общества в целях его форсированной модернизации, установления плановой экономики, проведения индустриализации, коллективизации и культурной революции, приведший к радикальным преобразованиям в экономике, властных структурах и национальной политике, который выдвинул на рубеже 1920х—1930-х годов на первый план новые лозунги и задачи. Доминирующая идея этого десятилетия — введение тотального контроля и централизации. В области научной политики эти задачи

реализовывались посредством дальнейшего сближения органов власти и научного сообщества, вплоть до создания гибрида партийно-государственно-научных структур.

Основными явлениями, характеризующими слияние партийно-государственных и научных органов в единое гибридное образование, по выражению Н. Кременцова (1997), «сталинистской науки» (*Stalinist science*), были цензура и, что важнее, самоцензура, освоение научным сообществом ритуалов так называемых “публичных дискуссий”, “самокритики” и юбилеев, бюрократизация научных институтов, введение механизмов административного планирования и отчетности в научную практику. В научный дискурс окончательно входят элементы партийной риторики и лексикона “новояза”, разнообразные наборы “кочующих цитат” из работ вождей партии и классиков марксизма-ленинизма или “отцов-основателей” (Krementsov 1997). Исключительно важным инструментом контроля над наукой в кадровой политике было введение и в этой области института *номенклатуры* (Voslensky 1984). Обычно принято говорить о номенклатуре партийных должностей и структуре государственно-партийной власти в Советском Союзе; при этом зачастую выпускается из внимания тот факт, что “назначались по Номенклатурам не только члены партии, но и беспартийные”, более того, в номенклатуру партийных органов входили “все основные руководители госаппарата: члены коллегий наркоматов, главные бухгалтеры и главные инженеры, директора заводов и фабрик, начальники леспромхозов и зав. базами, складами, конторами, трестами, синдикатами, послы, консулы, и т.д.” (Коржихина & Фигатнер 1993, 28). На практике введение номенклатурного принципа кадровых назначений в науке означает, что все кандидаты на ключевые должности в научно-исследовательских и образовательных организациях, от президента Академии наук СССР до заведующего лабораторией института, должны были предварительно утверждаться партийной инстанцией соответствующего уровня. Так, “должность президента, вице-президента и научного секретаря таких центральных организаций, как Академия наук СССР или ВАСХНИЛ, были в номенклатуре Политбюро. Должность директора института или редактора журнала были в номенклатуре Секретариата Центрального Комитета. Назначение заведующего лабораторией было номенклатурой районного комитета партии. Даже должность библиотекаря в научном институте была в номенклатуре местного комитета партии” (Krementsov 1997, 40-41). Таким образом, институт номенклатурных назначений был основным инструментом осуществления контроля партии над научным сообществом на всех без исключения уровнях научной иерархии.

В результате процессов централизации всей общественной жизни после Великого перелома, с начала 1930-х гг. изменяется и структура общественных наук в стране. Освоение научным сообществом принципов *партийности* и ориентации на практику коренным образом повлияло на исследовательскую парадигму в психоневрологии и вызвало трансформацию уже налаженной системы отношений между общими и прикладными науками. Многообразие подходов теперь стало в первую очередь означать неподконтрольность и непредсказуемость, поэтому в 1930-е годы начинается процесс унификации психоневрологических дисциплин и направлений, а те подходы, представители которых не сумели адаптироваться к новым условиям, либо показательно изгоняются из науки, либо тихо отмирают. Под призывы к соблюдению принципа *партийности* науки общие психоневрологические теории постепенно трансформируются

в догматические квазимарксистские учения. С другой стороны, принцип *практики* в реальности отражал изменение научной конъюнктуры в стране, что повлекло волну критики в адрес тех наук, которые оказались чересчур “теоретичны” для своего времени. Однако под практикой, замечает Кременцов, «подразумевалась не экспериментальная работа или прикладные исследования, но участие наук в строительстве социализма. Утверждалось, что наука должна отвечать на “запросы практики”. Ученых критиковали за “бесплодное теоретизирование”, “отход от действительности”, “замыкание в башнях из слоновой кости” и других подобных грехах» (Krementsov 1997, 47).

Тем не менее, несмотря на призывы к дальнейшему объединению марксистской догматики и повседневной практики социалистического строительства и вопреки провозглашаемым лозунгам о преодолении разрыва между интеллектуальным физическим трудом, в реальности происходили диаметрально противоположные процессы еще большего отдаления философии от жизни и расхождения теории с практикой. В итоге на месте прежней разноуровневой структуры возникла упрощенная двухуровневая конструкция, состоящая из двух гибридных образований: 1) квазимарксистской философии, слившейся с общей теорией и фактически поглотившей последнюю, и 2) социальной практики и потонувшей в ней системы прикладных дисциплин (см. табл. 3):

1920-е гг.: четыре уровня психоневрологических наук	Конец 1930-х гг.: два гибридных уровня психоневрологических наук
1. Марксистская философия	
2. Общие науки	1. Марксистская философия и общая наука
3. Прикладные науки	2. Социальная практика и прикладные науки
4. Социальные практики	

Таблица 3. Структура психоневрологических наук в СССР в 1920е и в 1930е годы.

Сталинский “Великий перелом” и идея тотальной централизации всего общества интенсифицировали, говоря языком биологических теорий, «естественный отбор» и «межвидовую борьбу» внутри комплекса теоретических и прикладных психоневрологических дисциплин. В начале 1930-х гг. под шквальный перекрестный огонь критики попали все наиболее заметные представители психоневрологических наук. Результаты такой “дружеской критики” не замедлили сказаться в том числе и на положении психологии и смежных дисциплин. Так, уже в начале 1930х прошли ритуалистические «дискуссии», в результате которых были раскритикованы самозаявленные в Советском Союзе в послереволюционные 1920е, но так и не признанные международным научным сообществом дисциплины, такие как *рефлексология* В.М. Бехтерева и его последователей и *реактология* К.Н. Корнилова. В 1931 году прекратил существование журнал «*Вопросы дефектологии*», в 1932 были закрыты московские журналы “*Психология*”, “*Педология*” и журнал ленинградского Института мозга им. В.М. Бехтерева “*Вопросы изучения и воспитания личности*”, на два года их пережил журнал “*Советская психотехника*”, закрытый в 1934 году.

Тем не менее, последовавший период 1934-1936 охарактеризовался относительной либерализацией и в определенной степени снижением социального напряжения в стране. В недолгий, но весьма важный в перспективе период недолгой и относительной “передышки” середины 1930-х годов, по всей видимости, очень своевременной и стратегически исключительно значимой была публикация базовых статей по психологии и вопросам марксизма (Геллерштейн 1933; Рубинштейн 1934), которые не только дали недвусмысленный сигнал властям о теоретической зрелости советских психологов и их готовности к построению марксистской психологии, преодолевающей крайности как упрощенческого и позитивистского “механицизма”, так и абстрактно-спекулятивного “меньшевистствующего идеализма”, но и вооружили необходимым языком и политически выдержанной фразеологией будущие поколения отечественных психологов. В этот же период состоялся взрыв публикаций по психологической тематике. Среди наиболее знаковых публикаций этого времени стоит отметить целую серию психологических книг — учебников и научных монографий, — написанных, скорее всего, в предшествующий период и вышедших за время “потепления” в стране (например: Ананьев 1935; Выготский 1934, 1935; Занков, 1935; Корнилов 1934; Левина 1936; Рубинштейн 1935; Якобсон 1936).

Поворотным моментом в истории психоневрологических наук в СССР стало известное постановление ЦК ВКП(б) “О педологических извращениях в системе Наркомпросов” от 4 июля 1936 г. (http://lawrussia.ru/texts/legal_586/doc586a100x809.htm). Этот декрет, запрещавший использование методов тестирования в науках о человеке, оказался беспрецедентным силовым вмешательством партии в науку: до этого момента партийные руководители предпочитали действовать за кулисами и решать задачи административного разрешения конфликтов руками самих же специалистов в той или иной, нередко смежной и конкурирующей, области. В результате “педологического постановления” целая научная область — *педология* — и сопутствующие ей общественные практики и институты были закрыты, а ее представителям было рекомендовано переквалифицироваться в педагоги. Заодно с педологией пострадали и *психотехника с дефектологией*, которые хоть и не были запрещены постановлением 1936 года, но автоматически подпали под его действие из-за повсеместного активного применения в них системы тестирования в прикладной работе и в исследовательской практике. Психотехники в основной своей массе мигрировали в другие области, например в психологию труда, психофизиологию или физиологию, а представители педологии перешли в относительно безопасные области возрастной психологии и педагогики. Впрочем, безопасность в то время была весьма условной: постановление о педологических извращениях лишь на пару месяцев предшествовало началу судебного процесса по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра (август 1936 года), запустившего механизм Большого террора, в ходе которого целый ряд ученых были уничтожены без какой-либо видимой логики и вне какой бы то ни было связи с их собственно научными достижениями и пристрастиями.

Педологическое постановление нанесло удар и по психологам, оказавшимся перед необходимостью размежевания с опальным учением педологов, что в случае научного наследия целого ряда видных исследователей, например покойных М.Я. Басова (1892-1931) или Л.С. Выготского (1896-1934), работавших сразу в двух этих областях, оказалось задачей весьма нетривиальной. С другой стороны, Большой террор внес определенную сумятицу и в устоявшиеся схемы патрон-клиентских отношений между научными

деятели и, с другой стороны, ощутимо поредевшим и обновившимся в ходе массового государственного террора партийным руководством страны. Тем не менее, осенью 1938 года наступил конец Большого террора, а к 1939 г. связи между учеными через посредство высокопоставленных переговорщиков (*spokesmen*, т.е. посредников между научным и партийным руководством, представителей конкретных дисциплин) и партийно-государственным аппаратом были налажены вновь (Krementsov 1997). Таким образом, по итогам периода 1936–1938 годов, ознаменовавшегося постановлением о педологии и массовыми репрессиями в стране, оказалось, что была фактически произведена “расчистка” места для будущей психологии: *педология* была ликвидирована, а конкуренция со стороны смежных научных дисциплин окончательно устранена. И в самом деле, как оказалось к концу десятилетия 1930х, революционные прикладные дисциплины предыдущего десятилетия, провозглашенные в СССР и зачастую известные только в этой стране (напр., *реактология*, *рефлексология*, *дефектология*) или зародившиеся на границей (напр., *педология* или *психотехника*), но к середине 1930х фактически прекратившие свое существование за пределами Советского Союза, были либо законодательно запрещены, либо лишились административной и финансовой поддержки властей, либо сравнительно мирно зачахли и в конечном итоге влились в состав международно признанных научных дисциплин и общественных практик. Так, к примеру, *психогигиена* и *психотерапия* вошли в состав традиционных медицинских мероприятий, а интеллектуальный капитал *психотехники* под различными другими названиями продолжал использоваться и в дальнейшем в индустрии, пропаганде и агитации, и в военном деле (например, для решения задач научной организации труда, профессионального отбора, подготовки промышленных и военных кадров, в деле военной маскировки или для изучения восприятия наглядной информации). Таким образом, «золотой век советской *психологии*» как ведущей научной дисциплины о внутренней жизни человека в контексте социальной практики начался в 1936 году.

К концу 1930-х, насколько мы можем судить по косвенным признакам, меняется статус психологии и в структуре образования, свидетельством чему публикация серии учебников на русском, украинском и грузинском языках для средних и высших учебных заведений в Советской России, Украине и Грузии (Корнилов, Теплов, Шварц, 1938; Корнилов, Теплов, Шварц, 1941; Костюк, 1939; Костюк, 1941; Рубинштейн, 1940; Узнадзе, 1940). Одному из этих учебников суждено было сыграть особенно важную роль в дисциплиностроительстве советской психологии.

Учебник С.Л. Рубинштейна (1889-1960) «Основы общей психологии» 1940 года был удостоен Сталинской премии второй степени за 1941 год¹, и это знаменательное событие, по всей видимости, было непосредственно связано с серией административно-научных назначений Рубинштейна, избранного первым представителем психологии в «большой» Академии наук СССР: членом-корреспондентом, в 1943 году. В том же году Рубинштейн стал первым заведующим кафедрой психологии и основателем отделения психологии в Московском государственном университете, а также заместителем директора и заведующим сектором психологии при Институте философии Академии наук СССР (1943), ставшим первым в истории Академии ее психологическим структурным подразделением. Вторым представителем психологии в Академии наук СССР стал С.В.

¹ Премия присуждена в категории «философские науки» в 1942 году.

Кравков (1893-1951), который в 1946 году был избран членом-корреспондентом сразу двух советских академий: «большой Академии» и Академии медицинских наук СССР. В 1943 году была основана Академия педагогических наук РСФСР, на долгие годы после этого служившая пристанищем множеству советских психологов, которые за редким исключением (т.е., Рубинштейн, Кравков и Ломов) не признавались на уровне «большой Академии», но зато стали членами-корреспондентами и академиками педагогической Академии.

Впрочем, высшие административные назначения и учреждения новых научных организаций затронули психологов не только в РСФСР, но и в национальных республиках СССР. Так, первым советским психологом-академиком стал Д.Н. Узнадзе (1886-1950), избранный академиком Академии наук Грузинской ССР в 1941 г., а первым советским академическим подразделением психологов оказался учрежденный им в Тбилиси в том же году Сектор (с 1943г.— Институт) психологии АН ГССР. Вскоре за этим последовал научно-исследовательский институт психологии Наркомпроса (впоследствии - Минпроса) УССР, который был основан осенью 1945 г. в Киеве, под руководством Г.С. Костюка (1899-1982). Вне всякого сомнения, все эти события отражали принципиальное изменение к психологии как научной дисциплине в иерархии советских наук и ее новый, официально признанный высокий статус на академическом Олимпе в масштабах всей страны.

И все же для полного и окончательного успеха психологии как дисциплины еще чего-то не хватало. И это случилось 3 декабря 1946 г., когда вышло постановление ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе», согласно которому психология была введена в курс школьного преподавания в СССР в качестве одного из предметов в учебном плане старшей школы. И вот это событие сделало очевидным тот факт, что советская психология, пережившая рефлексологию и реактологию и фактически поглотившая педологию, психотехнику и дефектологию, не только состоялась как дисциплинарный проект национального масштаба, но и переживает свой «золотой век». Тот самый золотой век, начало которому было положено в 1936 году.

Советская психология начала Холодной войны и завершение становления «сталинистской модели» советской науки

Окончательное завершение формирования «сталинистской модели», дисциплинарного этоса и «архетипа» советской психологии состоялось в ранний период Холодной войны конца 1940х-начала 1950х годов, ознаменованных ростом нео-имперской ксенофобии и изоляционизма советского образца, русского национализма и официального антисемитизма, новой волны террора и показательных процессов в стране. Именно в этот период проходит возвеличивание «самобытной русской науки» и массовая «павловизация» психологии в стране — сравнительно недолгий по времени процесс, сказавшийся в первую очередь на качестве научных кадров, подготовленных в это время на базе первых двух профильных отделений психологии в стране, официально утвержденных постановлением Совнаркома в 1943 и открытых при философском факультете Московского университета и в Ленинградском университете на год позже, в

1944 году. На долгие годы эти две школы останутся монополистами по подготовке профессиональных психологических кадров в СССР. Таким образом, первые студенты были зачислены на психологические отделения этих двух университетов еще во время войны, осенью 1944, а первые выпуски профессиональных психологов состоялись уже в период социального обострения позднего сталинизма. Именно эти специалисты, выпускники 1950-х годов и впоследствии академическая профессура 1960х-1990х, и составили основной и ведущий кадровый резерв советской психологии послевоенного периода, сформированный в атмосфере «сталинистской модели» советской науки периода Холодной войны. Весьма существенным оказалось влияние этой модели на формирования массового самосознания советских психологов на протяжении практически всего послевоенного периода существования Советского Союза как государственного образования.

Послевоенная советская психология на высшем уровне социальной иерархии была представлена сравнительно небольшим количеством основных учреждений и организаций, таких как Институт психологии в Москве (основанный еще в дореволюционный период), отделения психологии в Москве и Ленинграде (с 1944), сектор философских проблем психологии в Институте философии АН СССР (с 1945; в 1951 г. прекратил существование как самостоятельная научно-административная единица, а в 1956 был восстановлен под названием «сектор психологии»), и, наконец, Общество психологов РСФСР (впоследствии—СССР), основанное в 1957. Первым послевоенным и на долгие годы единственным профильным периодическим изданием был журнал «Вопросы психологии», который был официально учрежден в 1954, а начал выходить в 1955 году. Примечательно, что в 1940е-1950е годы все руководящие административные должности в психологии были заняты весьма узким кругом специалистов, числом не более десятка. Это С.Л. Рубинштейн (1889-1960), Б.М. Теплов (1896-1965), А.А. Смирнов (1894-1980), А.Н. Леонтьев (1903-1979), В.М. Мясищев (1893-1973), и Б.Г. Ананьев (1907-1972): все из Москвы за исключением двух последних, представителей Ленинграда. К этому кругу следует, пожалуй, причислить также и москвича А.Р. Лурию (1902-1977), который не занимал наивысших руководящих должностей в административной научной иерархии, но играл весьма заметную роль в издательском мире научных изданий внутри страны и в интенсивнейшем международном научном обмене за ее пределами. Также, заметную роль играли Д.Н. Узнадзе (1886-1950) и Г.С. Костюк (1899-1982), но их административное влияние было ограничено преимущественно национальными республиками в составе СССР—соответственно Грузинской и Украинской ССР.

При всех множественных различиях между всеми этими научными деятелями, на определенном уровне обобщения можно говорить и об определенном сходстве между ними. Так, представитель этой группы ученых был как правило выходцем из интеллигентной, университетски образованной семьи, который и сам получил классическое гимназическое образование в дореволюционную пору, а потому достаточно свободно владел по меньшей мере двумя иностранными языками, т.е. французским и немецким², а затем окончил один из университетов Российской империи в Москве

² Исключение из этого правила — Борис Герасимович Ананьев, окончивший советскую школу в 1924 г. во Владикавказе, а затем, там же, Горский педагогический институт (ныне — Северо-Осетинский государственный университет), в 1927 году. Также вызывает определенные сомнения образовательный

(Теплов, Смирнов, Леонтьев), Петербурге/Петрограде (Мясищев), Казани (Лурия) или за границей, — как правило, в Германии (Рубинштейн и Узнадзе). Именно это поколение, — рожденное, грубо говоря, в 1890е годы, сформировавшееся на классическом дореволюционном интеллектуальном и культурном наследии, активно и с энтузиазмом принявшее участие в большевистском проекте радикального переустройства общества и прошедшее сито социального отбора в 1920е-1930е годы, — заняло все ключевые административные позиции в советской научной иерархии в 1940е годы, когда психология как научная дисциплина получила доступ к вершине академического Олимпа: Академии наук СССР. При этом следует понимать, что, согласно со сталинской моделью социального устройства, руководство наукой было в высшей степени централизовано. Так, к примеру, на протяжении нескольких лет, вся бразды правления психологией в Москве в 1940е годы были в руках одного человека, Сергея Леонидовича Рубинштейна, занимавшего в этот период должности директора Института психологии (1942-1945), заведующего кафедрой психологии в Московском университете (1943-1949), и руководителя Сектором психологии и заместителя директора в философском институте АН СССР (1945-1949). Социальные процессы позднего сталинизма нарушили единоличное правление советской психологией: в 1949 Рубинштейн, как и многие евреи в Советском Союзе оказавшийся в силу своего национального происхождения «безродным космополитом», был отстранен от руководящих должностей. Тем не менее, высокая концентрация власти и влияния в руках ограниченной группы лиц так и сохранились, подтверждением чему свидетельство известного швейцарского психолога и директора Международного Бюро по образованию ЮНЕСКО, посетившего Советский Союз в середине 1950х (Piaget, 1956). В своих впечатлениях о поездке в СССР и встречах с местными психологами Пиаже упоминает «Большую пятерку» и называет имена Рубинштейна, Теплова, Смирнова, Леонтьева и Лурии (по свидетельству Г.П. Щедровицкого, львиной долей реальной власти из всей этой группы обладали Теплов и Смирнов; см. Щедровицкий 2001)³. Пиаже, который лично встречался с этими научными деятелями и проводивший с ними весьма содержательные беседы на родном для себя французском языке, был впечатлен их вполне европейской манерой общения и осведомленностью о ходе современных психологических исследований за пределами СССР. Тем разительнее контраст между «поколением 1890х» и новой генерацией их учеников и аспирантов, советских психологов следующего поколения. При всей уязвимости такого обобщения, набросаем тем не менее собирательный портрет представителя этого нового поколения.

Представитель «нового поколения» советских психологов — это человек, родившийся в десятилетие, условно говоря, второй половины 1920х-первой половины 1930х. Таким

уровень талантливого и целеустремленного выходца из украинского крестьянства Григория Силовича Костюка, который прошел доуниверситетский курс обучения в частном учебном заведении в Киеве в 1915-1919 г. (Коллегия Павла Галагана), окончил советский вуз в Киеве в 1923 году и впоследствии сделал карьеру на ниве народного просвещения.

³ Ср. Свидетельство Г.П. Щедровицкого о положении дел в административном руководстве психологией в стране на конец 1950х: «это было время, когда хозяином, управляющим психологией был Анатолий Александрович Смирнов, а хозяином Института психологии Борис Михайлович Теплов, поэтому все остальные фактически были подставными фигурами, куклами, которых дергали за ниточки. Позиции Леонтьева, Запорожца, Лурии, Эльконина были в то время в Институте достаточно слабыми»; источник в сети: http://consultiib.nm.ru/gp_ivbi.htm

образом, его детские годы прошли в период раннего сталинизма, а годы учебы в школе пришлось на войну. При этом следует понимать, что, в отличие от «поколения 1890х», получившего образование в классических гимназиях дореволюционной поры, здесь речь идет об обучении в советской школе в военных условиях со всеми сопутствующими издержками, напр., нехватка учительских кадров, сравнительно невысокий статус школьных занятий в военное время и исключительно низкий уровень преподавания иностранных языков⁴. Затем, годы учебы в высшем учебном заведении у нашего собирательного персонажа прошли уже в послевоенное время, причем в той или иной степени совпали с социальными потрясениями позднего сталинизма, характерного своей откровенно нео-имперской, ксенофобской, русофильской и «антикосмополитически»-антисемитской, воинствующе патриотической и, в известной мере, изоляционистской риторикой, в более или менее явной форме сохранившейся в общественно-политическом и академическом дискурсе на протяжении практически всего десятилетия 1950х. Наш персонаж получает университетское образование на одном из двух отделений психологии (в Москве или в Ленинграде) и выпускается из университета в 1950е, вступает в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС) в конце 1950х-начале 1960х, а в 1950е-1970е защищает кандидатскую, а затем и докторскую диссертации и делает весьма успешную научную карьеру.

В той или иной степени под это описание подходит целый ряд научных деятелей советской поры, некоторым из которых было суждено придти на смену их предшественникам в высших эшелонах научного администрирования поколения дореволюционной поры. Новая когорта академических боссов в руководстве советской психологией представлена опять же достаточно узким кругом лиц. Это Б.Ф. Ломов (1927-1989, член КПСС с 1956), А.М. Матюшкин (1927-2004), Е.В. Шорохова (1922-2002, член КПСС с 1952), А.А. Бодалёв (род. в 1923), В.В. Давыдов (1930-1998), В.П. Зинченко (1931-2014), А.В. Брушлинский (1933-2002) (все трое вступили в КПСС предположительно в середине-конце 1950х), Е.А. Климов (1930-2014, член КПСС с 1962) и, с известной натяжкой, А.А. Крылов (род. в 1935) и В.Д. Шадриков (род. в 1939, член КПСС с 1963 г.).

Предпосылкой смены поколений в высшем административном аппарате советской психологии стала радикальная переоценка роли психологических исследований в советском народном хозяйстве, которая прошла в конце 1950х годов. Прямое следствие этой переоценки — целая череда «хоздоговоров» (т.е., контрактов на прикладные исследования), которые советские психологи стали получать с 1959 года от представителей советских партийно-государственных, индустриально-промышленных и военных учреждений (в т.ч., несколько позже, организаций, связанных с космонавтикой).

⁴ Ср., например, из воспоминаний Щедровицкого о его школьной учебе в эвакуации в Куйбышеве: «...была война, и жили мы в основном интересами войны и фронта. Раньше принимали в комсомол с пятнадцати лет. Из-за войны этот возраст на год уменьшили. Можно было вступать с четырнадцати лет. ... Преждевременное вступление в комсомол я должен [был] заслужить, и я пошел работать санитаром в госпиталь. Полгода я там проработал... Я получил разрешение вступить в комсомол. Наша же комсомольская организация приняла решение: ученики старших классов идут на завод, учатся и работают параллельно. Три четверти года мы работали на заводе и учились. Были созданы сменные классы, и преподаватели занимались с нами, скажем, почти ночью. Мы приходили со смены в десять часов вечера и до двенадцати нас чему-то учили. Конечно, все в основном спали. Потом вышел какой-то приказ, и нас всех отчислили с завода.»

Это позволило исследователям значительно укрепить свои позиции в научно-общественной иерархии и, оставаясь формально под эгидой прежних институций, таких как Академия педагогических наук (АПН РСФСР, в августе 1966 г. преобразована в АПН СССР), Институт психологии в Москве или университетские кафедры психологии, получить от них относительную автономию и, в конечном итоге, право голоса в решении стратегических вопросов развития этой научно-практической дисциплины. На первых порах, т.е. в конце 1950х-начале 1960х, эта автономия реализовывалась в рамках многочисленных организаций (лабораторий, отделов, кафедр, исследовательских проектов), организованных под названием «инженерной», «промышленной» и «индустриальной» психологии, «психологии труда» или «эргономики» и ставших прямым развитием и, фактически, реставрацией «психотехники» довоенного периода. Тем не менее, уже к середине-концу 1960х «новое поколение» набрало силу в полной мере, достаточной, чтобы бросить вызов старой гвардии, тем более, что многие из наиболее авторитетных представителей «дореволюционного поколения» до этого времени не дожили⁵. В результате этих демографически-политических сдвигов «новое поколение» триумфально занимает освобождающиеся или новообразованные руководящие посты, в целом ряде организационных структур, таких как:

- сектор психологии Института философии РАН СССР: Е.В. Шорохова сменяет скончавшегося С.Л. Рубинштейна в 1960

- новообразованный факультет психологии (на базе отделения психологии при философском факультете): Б.Ф. Ломов становится первым деканом факультета в 1965 году

- Общество психологов СССР: Б.Ф. Ломов сменяет А.Н. Леонтьева на должности руководителя этой организации в 1968.

Несомненным и однозначным триумфом нового поколения и, фактически, его окончательной победой в «демографической борьбе» с «дореволюционным поколением» стало учреждение Института психологии Академии наук СССР в Москве в 1971 году под руководством Б.Ф. Ломова и его ленинградской команды и Е.В. Шороховой и ее сотрудников из сектора психологии академического Института философии, влившегося в состав новообразованного Института психологии АН СССР в 1972 году. В результате этих структурных преобразований Ломов стал первым и бессменным (вплоть до самой его смерти в 1989 г.) директором Института, а Шорохова была назначена его заместителем. После смерти Ломова руководство Институтом принял на себя другой представитель новой волны — москвич и бывший аспирант Рубинштейна А.В. Брушлинский. Дольше всего дореволюционное «поколение 1890х» продержалось в руководстве факультетом

⁵ Ср. годы ухода из жизни наиболее весомых (как в административном, так и в идейно-интеллектуальном отношении) представителей дореволюционного поколения психологов: Д.Н. Узнадзе (1950), С.В. Кравков (1951), С.Л. Рубинштейн (1960), Б.М. Теплов (1965), Н.А. Бернштейн (1966), и С.Г. Геллерштейн (1967).

психологии МГУ⁶, где бессменный декан факультета А.Н. Леонтьев после его смерти в 1979 был смнен на представителя «племени молодого» А.А. Бодалева.

Именно этому поколению, сформировавшемуся в период позднего сталинизма и занявшему все ключевые административные должности в руководстве советской психологии в 1960е-1970е годы⁷ и продержавшемуся на самом верху административно-научной пирамиды вплоть до начала 2000х, суждено было успешно воплотить «архетип советской психологии» и — посредством системы региональных филиалов, специализированных изданий, кадровых назначений, аспирантур, ученых и диссертационных советов, аттестационных комиссий и т.п. — внедрить в масштабах всей страны модель науки периода позднего сталинизма многие десятилетия спустя после смерти ее создателя и идейного вдохновителя, «Великого вождя и Учителя», Иосифа Виссарионовича Сталина. Примечательно, что на этот же разрыв поколений указывает и Стивен Тулмин (Stephen Toulmin) в своей всемирно известной статье о научном наследии Выготского-Лурии, опубликованной под названием «Моцарт психологии» в библиографическом периодическом издании The New York Review of Books (Toulmin, 1978)⁸. Так, Тулмин обсуждает двадцатилетний «поколенческий разрыв» (generation gap) в период между 1935 и 1955 подчеркивает разрушительные последствия этого разрыва на развитие психологии в Советском Союзе. В частности, Тулмин обращает внимание на то обстоятельство, что, несмотря на то, что «около полудюжины учеников Выготского пережили Вторую мировую войну и заняли ряд важных [академических] позиций после войны»⁹, тем не менее, именно по причине этого «разрыва» в научной традиции, заполненного психологическими работами редуccionистского плана, советская психология ко времени публикации этой статьи в 1978 г. все более начинала походить на позитивистскую экспериментальную психологию американского образца последних четырех десятилетий, в то же самое время, как сама американская психология предположительно стала использовать выготскианские идеи даже более эффективно, чем это делали исследователи в СССР¹⁰.

Этот разрыв поколений и научных традиций в советской психологии, отмеченный в статье Тулмина, вполне заметен на материале динамики развития научных публикаций советской

⁶ Как и такой же факультет в Ленинградском университете, основан на базе отделения психологии при философском факультете в конце 1965 г., в канун XVIII Международного психологического конгресса, прошедшего в Москве в 1966 г.

⁷ Последним бастионом «поколения 1890х» стал журнал «Вопросы психологии»: руководство этим изданием перешло к представителям новой волны в 1980, после смерти главного редактора журнала А.А. Смирнова, ставшего последним из плеяды руководителей старой генерации.

⁸ См. также в сети: <http://www.nybooks.com/articles/archives/1978/sep/28/the-mozart-of-psychology/>

⁹ В оригинале: «Half a dozen of his students survived the Second World War, and took up important positions after it»

¹⁰ В оригинале: «In fact, some informed American observers consider that his ideas are likely to be developed and exploited more effectively in the US during the years ahead—by such people as John Flavell of Stanford and Ann Brown of the University of Illinois—than in the Soviet Union. By some intellectual version of Gresham's Law, just as Western psychology is beginning to escape from its earlier positivism, Russian academic psychology is, ironically, beginning to look more like the American experimental psychology of the intervening forty years!»

поры¹¹. Более того, уже сейчас можно с определенной уверенностью утверждать, что многие из характерных собирательных черт «архетипа советской психологии» по настоящее время так и остались непреодоленными как в массовом сознании, так и в научно-социальной практике современных русскоязычных наследников традиций «великой» и «самобытной российской психологии».

Архетип современной российской психологии: наброски к портрету

Мы привыкли думать о так называемых советских «шестидесятниках» — при всей неопределенности, размытости и некорректности такого наименования — как о представителях советской научно-технической и артистически-гуманитарной интеллигенции (о так называемых «физиках и лириках» см., например, Богданов, 2011), социально активных в 1960е годы и заряженных пафосом общественного преобразования, модернизации и прогресса (Кукулин, 2007). При этом в последнее время принято говорить о том, что представители интеллигенции 1960х в поисках ретроспективного культурного самоопределения находили для себя богатую в идейном отношении почву в раннесоветском, условно говоря, «досталинском» периоде 1920х годов (см., напр., Дмитриев, 2014). Вне всякого сомнения, среди психологов «нового поколения» было много таких, которые вполне подходили под это описание. Тем не менее, также не вызывает ни малейшего сомнения и то, что представителям именно этого поколения суждено было выстроить на практике и в завершенном виде реализовать консервативную «сталинистскую модель» науки в Советском Союзе в том виде, как она была выстроена в период позднего сталинизма. По видимому, при наличии определенных общих процессов, характерных для всей советской науки в целом, следует при этом различать специфику развития конкретных наук в их социальном окружении, но, так или иначе, такой вывод в полной мере распространяется на послевоенную историю психологии как научной дисциплины в СССР.

Как мы знаем, и дореволюционная, и советская психология межвоенного периода 1920х-1930х в целом была в высшей степени связана с международной наукой (Ясницкий, 2011б, 2012а, 2012б) и, более того, далеко не в последнюю очередь именно благодаря этому обстоятельству уцелела в естественном отборе экспериментальных революционных проектов в «человековедении» (таких как «рефлексология», «реактология», «дефектология», «психотехника» и т.п.). И в то же самое время, советская (и унаследовавшая ее традиции современная российская) психологическая наука ощутимо отличается от собирательного образа «западной науки» целым рядом идиосинкратических черт, которые, кажется, так до сих пор остаются мало понятыми среди более или многочисленной группы современных поклонников советского научного проекта в

¹¹ Нам не известно существование обобщающего исследования динамики советских публикаций по психологии двадцатого века. Тем не менее, существуют некоторые разрозненные исследования, в той или иной степени затрагивающие тему научного дискурса в его социальном функционировании, которые позволяют сделать некоторые осторожные выводы обобщающего характера (см., например, главу 3, а тж. Fraser & Yasnitsky, 2014; Gerovitch, 2002; Дмитриев, 2012; Зинченко, 1991; Солодухо, 2004; Ясницкий, 2010, 2011).

человекознании за рубежом. Именно этот набор отличительных черт мы и называем здесь «архетипом современной российской психологии», одновременно следуя и в то же самое время несколько вразрез с традицией заложенной Карлом Юнгом, учеником Фрейда, который, собственно, и ввел понятие «архетип» в психоаналитический и, шире, гуманитарный дискурс, в значении универсальных и доопытных образов и стереотипов коллективного бессознательного, периодически проявляющихся и выявляющихся в поведенческих, художественно-культурных и мыслительных формах. Очевидно, это не вполне тот смысл, который мы вкладываем в это слово в данной работе.

Итак, обратимся к архетипу российской психологической науки, сформировавшемуся к середине 1950-х годов как «марксистская», «идеологическая», «воинствующая» и «передовая» наука (см. Богданчиков 2006), и перечислим основные характеристики этой психологии как научной дисциплины и социальной практики, определяющие, по нашему мнению, ценностные установки ее индивидуальных агентов и ее формы и содержание на протяжении целого ряда десятилетий истории этой научной дисциплины и неразрывно связанной с ней общественной практикой:

1. Централизация и контроль.

Высшей формой государственно-партийного контроля над наукой и в то же самое время ее институциональной реализацией в Советском Союзе была Академия наук СССР, изначально основанная указом Петра I в 1724 году и в ходе своей истории претерпевшая ряд трансформаций и переименований, но лишь в результате организационных реформ середины 1930х годов получила те гигантские и беспрецедентные полномочия, которые и отличают в высшей степени централизованную «сталинскую модель» научной организации и которые, по большому счету, переименованная после распада СССР в Российскую Академию Наук, эта организация сохранила до начала ее новой реформы в 2013 году:

Главная новая особенность АН СССР, закрепленная уставом 1935года, заключалась в том, что она переставала быть обособленным научно-исследовательским учреждением, в каковом качестве была создана и просуществовала 200 лет. Она, в лице своих членов и избираемых ими руководящих лиц и органов, становилась полновластным народнохозяйственным ведомством, фактически наркоматом непромышленной науки, осуществляющим административное руководство подчиненными научными и вспомогательными учреждениями, определяющим тематику их деятельности и распределяющим между ними госбюджетные средства, ассигнуемые Академии в целом. Члены Академии получили статус своего рода особоуполномоченных государственных ученых, с повышенным материальным обеспечением и невиданными в истории мировой науки профессиональными привилегиями... Подобно прочим отраслевым наркоматам, АН СССР подчинялась непосредственно руководителям правительства. Только они одни среди бесчисленных государственных забот были теперь вправе вмешиваться в тематику деятельности академических институтов и

во внутренние порядки в Академии (впрочем, последнее — только посредством изменений в ее уставе)... Умудренный политическим опытом современный читатель поймет, что в 1935 году в лице членов АН СССР в советском обществе была создана одна из многих номенклатурных прослоек, привязанная к тогдашней государственной власти если не душой, то телом. С тех давних пор изменилось, можно считать, все. Позднесоветские номенклатуры разложились и спровоцировали развал породившего их строя, исчезнув вместе с ним. И только члены и члены-корреспонденты нынешней РАН, чья номенклатурная сущность удачно маскировалась (и маскируется) под якобы естественную и неизбежную структурную принадлежность любой науки, вместе с членами двух других «государственных» академий (сельскохозяйственной и медицинской) уцелели в качестве осиротелого реликта ушедшей эпохи (Хромов, 2002).

Сходным образом, в системе государственного контроля за наукой сохранилась до наших дней и Высшая аттестационная комиссия (ВАК), основанная в 1932 и фактически начавшая работу в 1934, в чьи функции входит обеспечение государственной аттестации научных и научно-педагогических работников, в частности, присвоение учёных званий и присуждение учёных степеней. Централизация административных полномочий характерна не только на уровне над-дисциплинарных и общенациональных административных образований федерального уровня, но реализуется и в организационных рамках той или иной конкретной научной дисциплины. Как правило, вполне в духе «сталинистской модели», мы наблюдаем концентрацию власти над наукой в руках одного лица или очень ограниченного числа лиц. Традиционно к управлению психологией в стране допускались выходцы из Московского или Ленинградского (впоследствии: Петербургского) университетов или близко связанные с ними лица. Во многом эта тенденция сохраняется и до наших дней. Так, например, декан факультета психологии Московского университета занимает одновременно ряд ключевых руководящих позиций, которые дают ему непосредственный контроль над значительным сегментом российской академической и прикладной психологии в административной, исследовательской, публикационной и надзорной областях этой дисциплины.¹²

¹² Неполный список должностных назначений и административно-научных регалий декана факультета психологии Московского государственного университета включает в себя такие наименования: Председатель Ученого совета факультета психологии МГУ, Председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МГУ, действительный член РАО, главный учёный секретарь Президиума РАО, заместитель председателя Экспертного совета ВАК Минобрнауки РФ по психологии, Председатель Совета по психологии УМО по классическому университетскому образованию РФ, главный внештатный специалист по медицинской психологии Минздрава России, Президент Российского психологического общества, главный редактор научных журналов по психологии «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал», ежегодника «Psychology in Russia» (см. подробнее http://www.psy.msu.ru/people/zinchenko_yp.html)

2. Клановость и вождизм.

Под клановостью и вождизмом следует понимать характеристики современной русской науки, в частности, психологии, такие как интеллектуальная и организационная закрытость, авторитарность научных администраторов, чья научно-административная власть зачастую закреплена в виде всевозможных должностных и репутационно значимых званий и назначений (таких как заведующий кафедрой, декан, профессор, председатель ученого или консультационного совета, член президиума, президент научного общества, член-корреспондент, академик, и т.д.), и лояльность и сервильность нижестоящего научного персонала. Следствием этому является более или менее четкая клановая самоидентификация психологов и демаркация границы между «своими» и «чужими». Характерно зафиксированное Г.П. Щедровицким высказывание П.А. Шеварева, психолога дореволюционной школы Челпанова, об одной из групп советских психологов, применимое, думается, для характеристики социального устройства и межгрупповой динамики в русской психологии в целом: «Я не люблю учеников Выготского. Они – как одесские фарцовщики. Это группа, для которой нет истин, для них есть только "наш" или "не наш", свой, принадлежащий группе, или чужой"». И далее, Щедровицкий комментирует эти слова:

Надо сказать, старик был абсолютно прав, и я многократно убеждался в правильности его суждений, т.е. в том, что группа учеников Выготского живет и всегда жила прежде всего по принципу "свой" или "чужой", и этим определялись их отношения. Проблема содержания, истины отходила всегда на задний план. Она не уходила вообще, она присутствовала, но она была всегда вторичной. Сохранение дружеских отношений внутри группы и борьба против других – вот это все вошло в их плоть и кровь. Они так воспитывались, это было всегда определяющим элементом их групповой культуры. И больше того, они никогда не считали подобную групповичину безнравственной... Я не рискнул бы сейчас как-то осуждать этих людей и не хочу, чтобы все то, что я говорю, воспринималось как личная негативная оценка - я далек от этого. Больше того, я даже не знаю, могу и вправе ли я здесь вообще давать оценки. Это очень тонкое дело. Я просто фиксирую этот момент как факт образа жизни и культуры людей, усвоенных ими в тех, по-видимому, очень непростых, может быть, тяжелых, часто смертельных ситуациях, в которые они попадали. Но на этом примере хочется показать разницу между людьми того, предшествующего поколения, которые воспитывались в совершенно другой культуре, на совершенно других принципах, и людьми нового поколения, воспитывавшимися уже в 1920–1930-е годы. У них другая нравственность, другая логика, а может быть, правильнее сказать, что это уже люди безнравственные, люди, для которых политическая конъюнктура, политические соотношения, оценки "свой-чужой" стали в принципе преобладающими и определяющими их поведение. Может быть, все дело в том, что их долго били, и в том, что они вынуждены были жить как узкая группа, защищаясь от ударов со всех сторон, и поэтому, когда они приобрели некоторую власть, то использовали ее в том духе, в котором были воспитаны. Я лишь подчеркиваю сейчас различие культур двух поколений, сменивших друг друга, - вот что должно быть известно, должно быть понятно. Я далек от позиции осуждения, но я вместе с тем

думаю, что вот такая позиция - и это то, что я извлек из опыта общения со всеми этими людьми, часто совместной работы с ними, столкновений - сделала для них в принципе невозможным занятие наукой. Нельзя быть ученым, мыслителем с такими ценностями, с такой культурой. Вот что, на мой взгляд, важно. (Щедровицкий 2001, 50–51).

3. Ритуальность.

Советская наука «сталинистской модели» характерна высокой степенью ритуальности, которая охватывает собой широкий круг явлений научной деятельности в реальных социальных условиях и простирается от верха до самого низа социальной пирамиды. Так, например, административное руководство научной деятельностью до сих пор осуществляется органами власти и научного администрирования, унаследовавшими в своих названиях всю фразеологию большевистской власти, — «Президиумы», «Советы», «Бюро» и «Секретариаты» — причем во многом в тех же организационных формах, которые были институционализированы в СССР еще в сталинский период. Впрочем, на это можно было бы справедливо возразить, что бюрократизация управления наукой характерна не только для «сталинистской модели» и не только в Советском Союзе и, затем, в его правопреемнице, Российской Федерации: «Система управления наукой, сложившаяся в СССР, – пример невиданно разросшейся бюрократической системы, чуждой демократии. Однако, и демократия предполагает формирование в науке властных структур, их функциональное разделение, постоянную диверсификацию связей научных исследований со структурами власти» (Огурцов, 1993).

Тем не менее, ритуальность советского образца поддерживается не только собственно административным аппаратом или фразеологией его наименования, но и той функциональной нагрузкой, которую он на себя берет. Так, ритуальность научной бюрократии сталинского образца проявляется в целом ряде явлений и событий «карнавального» свойства, таких как всевозможные юбилеи индивидуальных научных деятелей, групп, административных единиц и организаций, которые по старой традиции продолжают отмечаться каждые десять и, зачастую, даже пять лет в виде разнообразных праздничных мероприятий, таких как публичные собрания, круглые столы, банкеты, юбилейные конференции и т.п., и нередко находят свое отражение в тех или иных публикациях (научных сборниках, тезисах юбилейных конференций, и т.п.), посвященных этим событиям. Зачастую эти, равно как и многие другие публикации сопровождаются обязательным набором «групповых ссылок» (иронично называемых иначе «братскими могилами») и «кочевых цитат», обязательных с точки зрения социальных норм, научной микрополитики и дипломатического позиционирования публикации. Вероятно, такая практика и степень использования этого приема различается в зависимости от той или иной конкретной дисциплины и жанра научного письма, но, как мы видим в ходе несистематических наблюдений и эпизодических исследований научного дискурса, по крайней мере, среди современных русских психологов эта практика распространена достаточно широко.

Наконец, ритуальность советского образца воплощается и на уровне характерного общественно-научного дискурса, который не позволяет характеризовать его

стилистически как в чистом виде научную речь, а, скорее, как гибрид между собственно научным и журналистски-пропагандистским стилем. Многочисленные примеры такого гибридного дискурса включают такие языковые и стилистические особенности как: субъективные оценочные суждения; эмоционально окрашенные конструкции; парные синонимические и антонимические оппозиции для обозначения одних и тех же феноменов и явлений в зависимости от позитивного или негативного контекста их обсуждения; аргументацию *ad hominem*; дифференцированную атрибуцию научных деятелей, при которой определенные персоналии упоминаются по имени и отчеству в неаббревированном виде, причем в определенных случаях фамилия такого научного деятеля опускается (напр., ср. «З. Фрейд», «А.А. Смирнов» или «К. Левин» и, с другой стороны, «Лев Семенович [Выготский]», несколько реже — «Александр Романович [Лурия]»), и т.п. (о некоторых языковых и стилистических особенностях текстов Выготского и его самозаявленных «последователей» см., напр., Солодухо, 2004; Стеклова и Ковригина, 2009). Можно с определенной уверенностью утверждать, что все эти стилистические и смысловые особенности научного дискурса начали проникать в язык советской науки из языка большевистской бюрократии еще в 1920е годы, но в наиболее ярком виде оформились в советский «научный новояз» позднего сталинизма в годы ранней Холодной войны (Gerovitch, 2002).

4. Разрыв между теорией и практикой.

Этот разрыв, характерный и для дореволюционной психологии, в советский период был вызван, в первую очередь, исключительной идеологизацией и политизацией общей психологической теории в СССР. Характерна критика этого разрыва изнутри самой советской психологии и в особенности ценно указание на его идеологическую природу:

Вообще в концепции Леонтьева, так же как и в рассуждениях многих других психологов, оказался вынесенным за скобки анализ собственно психологического процесса развития потребностей, то есть процесса их перехода в качественно новые формы. Эту проблему он пытается разрешить в абстрактно-теоретическом плане, прибегая к данным истмата [то есть исторического материализма] там, где ему не хватает конкретных психологических данных. И это понятно, так как экспериментальных исследований в этой области, на результаты которых он мог бы опереться, еще очень мало (Божович 1972, 14).

Прошедшая через периоды тотальной «павловизации» (то есть перестройки психологии в соответствии с учением И.П. Павлова о высшей нервной деятельности; 1950е годы), господства «деятельностного» (1960е—начало 1970х), а затем «системного» подхода (середина 1970х—1980е), некогда безальтернативно «марксистская психология» на удивление легко пережила крушение «марксистской» парадигмы в конце 1980-х годов и проходит сейчас, предположительно, одновременно процессы «вестернизации» и «выготскизации», что выражается, в частности, в изменении обязательного набора «кочевых цитат», используемых на первых страницах публикаций (так, например, в наше время труды Выготского зачастую цитируются именно в целях легитимации

исследования, которое при отсутствии подобных цитат может не пройти в печать или не быть допущенным к защите).

С другой стороны, теоретическое развитие доктринального аппарата русской психологии во второй половине 20 века проходило практически независимо от конкретных психологических исследований в образовании, медицине и, начиная с ранних 1960х, в «инженерной психологии», оказавшейся фактически восстановленной «психотехникой» довоенного периода. В целом, следует признать, что этот разрыв, — т.е. атеоретичность прикладных и спекулятивность теоретических работ, — сохранился в целом вплоть до наших дней.

5. Интеллектуальный и лингвистический изоляционизм.

Как было показано в ходе недавних исследований, посвященных проблеме изоляционизма советской психологии, развитие этой дисциплины довоенного периода, несмотря на эпизодические и сравнительно непродолжительные ксенофобские кампании в науке, проходило в значительной мере под знаком международного сотрудничества и активного взаимодействия между советскими психологами и их зарубежными коллегами (см. Ясницкий, 2010, 2011а, 2011б, 2012а, 2012б, 2012в). И напротив, сильные изоляционистские тенденции проявили себя на уровне национальной научной политики лишь в период позднего сталинизма и начала Холодной войны. Однако этот период был сравнительно недолог, и уже в конце 1950х в Советском Союзе было основано официальное Общество психологов, аффилированное с международным профессиональным сообществом, а советские ученые—точнее сказать, преимущественно узкий круг крупнейших и лояльных к власти научных деятелей и высокопоставленных научных администраторов, официально одобренных для зарубежных контактов на высшем уровне—регулярно совершали зарубежные поездки по всему миру. Тем не менее, рядовые исследователи хотя и ограниченно, но также принимали участие в разнообразных международных научных мероприятиях, таких как грандиозный XVIII Международный психологический конгресс, который прошел в Москве в 1966 году. Тем не менее, как это ни парадоксально, именно в этот послевоенный период советская психология постепенно превращается в изоляционистскую, сугубо «советскую науку» с такими ее отличительными признаками, как (а) незнание иностранных языков в основной массе исследователей, из чего проистекает и (б) низкий уровень осведомленности о положении дел в современных западных исследованиях (отдельные исключения в лице, например, А.Р. Лурия только подтверждают общее правило) и (в) сравнительно невысокий уровень цитирования иностранных исследований в СССР и, соответственно, советских исследований за рубежом. Прямым следствием такого положения дел стало невладение статистическими методами обработки данных и, шире, методологией количественного исследования, а также неумение советских исследователей представить свои работы в соответствии со стандартами, принятыми в мировой науке, что неоднократно отмечалось в западных публикациях (см., например: Berlyne 1964; Schneider & Pressley 1997; Wender, 1967).

Во многом эта характеристика справедлива и для описания положения дел в современной русской психологии и психологов из России, которые, в соответствии с современными социальными запросами и национальной научной политикой Российской Федерации, нередко имеют материальные и карьерные стимулы и поощрения к зарубежным публикациям на иностранных языках, но в большинстве случаев по той или иной причине не в состоянии самостоятельно подготовить такие публикации к печати. Кроме того, в современных условиях изоляционизм нередко проявляется в тезисах о «самобытности», «исключительности» и «уникальности» русской психологии, и в поисках особенного, «русского пути» в науке. Одним из наиболее ярких и в то же время радикальных проявлений этой тенденции является так называемая «христианская» или даже, более того, «русская православная психология», которую активно развивает и пропагандирует целый ряд современных психологов и психотерапевтов в России, включая руководство психологического факультета Московского государственного университета, который традиционно считается самой старой и наиболее престижной школой психологии в стране.

6. Культизм и агиографичность.

Номенклатурность, пронизывающая все традиционное советское общество сверху донизу, в высшей степени характеризуют и всю конструкцию советской психологии. С начала 1990х, ознаменовавшихся распадом Советского Союза и формальным устранением административного аппарата Коммунистической партии от контроля над служебными назначениями, вряд ли можно говорить о номенклатурности назначений в прямом смысле. Это изменение, фактически, привело к еще большей независимости и усилению научно-административных кланов, избавившихся от государственно-партийного контроля сверху, в результате чего образовавшуюся лакуну контроля над научными кадрами заполнила клановая система формирования научного персонала.

Помимо обеспечения жесткой иерархии научных должностей и административных назначений, номенклатурность и клановость имеют также непосредственное отношение к осмыслению как исторического прошлого советской психологии, так и к ее теоретическому наполнению. Так, важным инструментом поддержания иерархии как в советской, так и в особенности в современной российской науке в пост-советскую эпоху, когда социальный институт партийно-государственных назначений оказался разрушен, являются агиографическая традиция в освещении истории, культ «Отцов-Основателей» и «школостроительство» как легитимизация «своего» направления в науке.

Агиографическая традиция, таким образом, в современных условиях исполняет важнейшую роль регулятора карьерных и кадровых назначений, позволяющих поддерживать и выделять лояльных «своих», и отсеивать нелояльных «чужих», не причастных «Традиции», основанной на культе «священных имен» «наших Учителей», «Отцов-основателей» и их верных «соратников». Одними из важнейших инструментов создания (и, потому, симптомов для идентификации) агиографии в историографии науки являются:

- (а) героизация исторического прошлого,
- (б) эмоциональность и этическая оценочность описания, нередко с активным использованием пропагандистских и милитаристских языковых средств,
- (в) бинарная поляризация исторических персонажей на «силы добра» и «силы зла» и изображение исторического процесса как борьба одних сил с другими,
- (г) демонизация «зла» и зачастую виктимизация сил «добра», которые вполне в традиции средневекового канона *Жития святых* (т.е., собственно, *Агиографии*) изображаются как «мученики» и «невинные жертвы» преследований.

Самым известным таким «культом» в русской психологии является, пожалуй, «культ Выготского», пропаганда которого продолжается в литературе не только в России, но и на Западе,--в первую очередь в Северной и, отчасти, Южной Америке (см. критический обзор и обсуждение в González Rey, 2014; Miller, 2011; Yasnitsky, 2010, 2012). Попытку «девиктимизации» и преодоления «жертвенного культа Выготского» см. в третьей главе этой книги, написанной в соавторстве Фрезер и Ясницким. Другие примеры некритического и пропагандистского конструирования исторического прошлого, представлены культурами Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета, «культом Психологического института» (в Москве), и многие другие, выстроенные по принципиально такой же структурной модели, что и жертвенно-героический «культ Выготского» (сходный анализ структурных и стилистических особенностей научных мемуаров см. в Дмитриев 2012).

Все вышеперечисленные характеристики создают весьма специфический образ российской науки. Русская психология, прошедшая через очень разные периоды условного «потепления» военного времени 1940-х и «хрущевской оттепели» рубежа 1950—1960-х, «закручивания гаек» начала Холодной войны на рубеже 1940—1950-х, через брежневский застой 1970-х, горбачевскую перестройку второй половины 1980-х, ельцинскую демократизацию 1990х и, наконец, вступила в 21й век в статусе уже «современной российской психологии», пронесла тем не менее основной набор своих отличительных, «архетипических» признаков, сформированных в период начальной институционализации модели «сталинской науки» периода позднего сталинизма. Благодаря сделанному еще в 1920е–1930е годы русская психология заняла свое место в истории мировой науки, но ее дальнейшая судьба напрямую зависит от того, будут ли критически осмыслены и преодолены те тенденции, которые характеризовали ее развитие на протяжении многих десятилетий ее существования: от «сталинистской науки» советского периода вплоть до ее современной модификации в виде коррумпированной и клановой, «уникальной» и «национально-самобытной», великодержавной и нео-имперской российской науки наших дней.

Литература

Berlyne 1964 - *Berlyne D.E.* Haply I may remember and haply I may forget (Review of P.I. Zinchenko, Involuntary remembering) // *Contemporary psychology*. 1964. № 9. P. 323-324.

Berman 1939- *Berman N.* Individual therapy and socialized living in the Soviet Union // *Psychiatry*. 1939. № 2. P. 525-532.

Boring 1929 - *Boring E.G.* A history of experimental psychology. New York: Appleton – Century Company, 1929.

Bulgakowa, O. (2014). From expressive movement to the “basic problem”: the Vygotsky-Luria-Eisensteinian theory of art. In A. Yasnitsky, R. van der Veer, & M. Ferrari (Eds.), *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Cohen 1983 - *Cohen S.* The mental hygiene movement, the development of personality and the school: The medicalization of American education. *History of Education Quarterly*, 23(2), 123–149, 1983.

David-Fox 2012 - *David-Fox M.* Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.

Depaepe, M. (1998). The heyday of paedology in Belgium (1899–1914): A positivistic dream that did not come true. *International Journal of Educational Research*, 27(8), 687–697.

Depaepe, M. (2012). *Between educationalization and appropriation. Selected writings on the history of modern educational systems*. Leuven: Leuven University Press.

Depaepe, M., Simon, F., & Gorp, A. V. (2003). The canonization of Ovide Decroly as a “saint” of the New Education. *History of Education Quarterly*, 43(2), 224–249.

Dewey 1928/1984 - *Dewey J.* Impressions of Soviet Russia (1928) // *John Dewey: The later works, 1925—1953* / Ed. J.A. Boydston. Vol. 3. P. 203-250. Carbondale, Il.: Southern Illinois University Press, 1984.

Dewey 1929/1990 - *Dewey J.* Unpublished writings: The Russian school system (1929) // *John Dewey: The later works, 1925—1953*. Vol. 17 / Ed. J.A. Boydston. P. 487-510. Carbondale, Il.: Southern Illinois University Press, 1990.

Gerovitch 2002 - *Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.

González Rey, F.L. Advancing further the history of Soviet psychology: Moving forward from dominant representations in Western and Soviet psychology. *History of Psychology*, Vol 17(1), 2014, 60-78.

Hoffmann 2011 - Hoffmann D.L. *Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914-1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011.

Hofstetter, R. (2004). The construction of a new science by means of an institute and its communication media: The Institute of Educational Sciences in Geneva (1912–1948). *Paedagogica Historica*, 40(5-6), 657–683.

Ivanov, V.V. (2014). Cultural-historical theory and semiotics. In A. Yasnitsky, R. van der Veer, & M. Ferrari (Eds.), *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Kojevnikov 2004 - *Kojevnikov A.B. Stalin's Great Science. The Times and Adventures of Soviet Physicists*. London: Imperial College Press, 2004.

Kornilov 1930 - *Kornilov K.N. Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930*. Worcester, MA: Clark University press, 1930. P. 243—278.

Krementsov 1997 - *Krementsov N.L. Stalinist science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Krementsov, N. (2013). *Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Levitin 1982 - *Levitin K. One is not born a personality. Profiles of Soviet education psychologists*. Moscow: Progress, 1982.

McFarland 1935 - *McFarland R.A. Psychological research in Soviet Russia // The Scientific Monthly*. 1935. Vol. 40(2). P. 177-181.

Miller, R. (2011). *Vygotsky in perspective*. New York: Cambridge University Press.

Nisbet, J. (2002). Early Textbooks in Educational Research: the birth of a discipline. *European Educational Research Journal*, 1(1), 37–44.

Pavlov 1930 - *Pavlov I.P. Outline of the Higher Nervous Activity // Psychologies of 1930 / Ed. C. Murchison*. Worcester, MA: Clark University Press, 1930. P. 207—220.

Piaget, J. (1956). Some impressions of a visit to Soviet psychologists. *American Psychologist*, 11(7):343-345

Quen, J. M. (1977). Asylum psychiatry, neurology, social work and mental hygiene: An exploratory study in interprofessional history. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 13(1), 3–11.

Rosenthal, B. G. (1986). *Nietzsche in Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Rosenthal, B. G. (1994). *Nietzsche and Soviet Culture: Ally and Adversary*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rosenthal, B. G. (2002). *New myth, new world: From Nietzsche to Stalinism*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Schneider, Pressley 1997 - *Schneider W., Pressley M.* Memory development between two and twenty (2nd ed.). Hillsdale, N.J.: Erlbaum & Associates, 1997.
- Schniermann 1930 - *Schniermann A.L.* Bekhterev's Reflexological School // *Psychologies of 1930* / Ed. C. Murchison. Worcester, MA: Clark University Press, 1930. P. 221-242.
- Schultz & McFarland 1935 - *Schultz R.S., McFarland R.A.* Industrial psychology in the Soviet Union // *Journal of Applied Psychology*. 1935. Vol. 19. P. 265-308.
- Stites, R. (1989). *Revolutionary dreams. Utopian vision and experimental life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press.
- Todes 1995 – *Todes D.P.* Pavlov and the Bolsheviks. *History and Philosophy of the Life Sciences* 17(3): 379–418, 1995.
- Todes 2014 - *Todes, D.P.* *Ivan Pavlov: A Russian Life in Science*. Oxford: Oxford University Press, 2014
- Toulmin, S. (1978). The Mozart of psychology. *The New York Review of Books*, September 28, 14: 51–57
- Van der Veer, Valsiner 1991 - *Van der Veer R., Valsiner J.* *Understanding Vygotsky: A quest for synthesis*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1991.
- Viteles 1938 - *Viteles M.S.* Industrial psychology in Russia // *Occupational psychology*. 1938. Vol. 12 (2). P. 85-103.
- Voslensky 1984 - *Voslensky M.* *Nomenklatura: The Soviet ruling class*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1984.
- Wender, P. H. (1967). Book review. *Zeigarnik, Blyuma Vul'favna* (Haigh, B., trans.). *The Pathology of Thinking*. Consultants Bureau, New York, 1965. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 144(4), 333–334.
- Williams 1934a - *Williams F.E.* *Russia, youth, and the present-day world. Further studies in Mental Hygiene*. New York: Farrar & Reinehart, 1934.
- Williams 1934b – *Williams F.E.* *Soviet Russia fights neurosis*. London: Routledge, 1934.

Yasnitsky, A. (2010). “Archival revolution” in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky’s archives. *Journal of the Russian and East European Psychology*, 48(1), 3–13.

Yasnitsky, A. (2012). Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor’s introduction. *Journal of Russian and East European Psychology*, 50(4), 3–15.

Zacharoff 1931 - *Zacharoff L.* Mental hygiene in Soviet industry // *Mental hygiene*. 1931. Vol. 15. P. 522-526.

Ананьев 1935 - *Ананьев Б.Г.* Психология педагогической оценки. Л.: Издательство Ленинградского педагогического института, 1935.

Бастракова 1973 - *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917-1922). М.: Наука, 1973.

Бехтерев 1925 - *Бехтерев В.М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л.: Издательство Государственного рефлексологического института по изучению мозга, 1925.

Богданов К.А. «Физики vs. лирики»: К истории одной «придурковатой» дискуссии // *Новое литературное обозрение*. 2011. № 111. С. 48-66

Богданчиков 2006 - *Богданчиков С.А.* К вопросу о термине “советская психология” // *Вопросы психологии*. 2006. № 2. С. 80-88.

Божович 1972 - *Божович Л.И.* Изучение мотивации поведения детей и подростков // *Проблема развития мотивационной сферы ребенка* / Ред. Л.И. Божович, Л.В. Благонядежина. М.: Педагогика, 1972. С. 7—42.

Выготский 1934 - *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Соцэкгиз, 1934.

Выготский 1935 - *Выготский Л.С.* Умственное развитие детей в процессе обучения / *Сборник статей*. М.; Л.: Учпедгиз, 1935.

Геллерштейн 1933 - *Геллерштейн С.Г.* О психологии труда в работах К. Маркса // *Советская психотехника*. 1933. Т. 6. № 1. С. 1-10.

Дмитриев А. Н. "Ученый совет при Чингисхане": поэтика и риторика постсоветского академического мемуара // *Труды Русской антропологической школы*. 2012. № 11. С. 80-100.

Дмитриев А. Н. Демон истоков: как (поздне)советские гуманитарии утверждались в своем прошлом // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2014. Т. 93. № 1. С. 11-23

Занков 1935 - *Занков Л.В.* Очерки психологии умственно отсталого ребенка. М.: Учпедгиз, 1935.

Запорожец 1960 - *Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М.: АПН, 1960.

Зинченко 1991 - *Зинченко В.П.* Системный анализ в психологии? (Развернутый комментарий к тезисам А.Н. Леонтьева, или Опыт психоаналитической интерпретации в науке) // Психологический журнал. 1991. Т. 12 (№ 4). С. 120-138.

Кольцов 1982 - *Кольцов А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР (1926 – 1932). Л.: Наука, 1982.

Коржихина, Фигатнер 1993 - *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-38.

Корнилов 1934 - *Корнилов К.Н.* Психология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1934.

Корнилов, Теплов, Шварц 1938 - *Корнилов К.Н., Теплов Б.М., Шварц Л.М.* Психология. М.: Учпедгиз, 1938.

Корнилов, Теплов, Шварц 1941 - *Корнилов К.Н., Теплов Б.М., Шварц Л.М.* Психология. 2-е издание. М.: Учпедгиз, 1941.

Костюк 1939 - *Костюк Г.С.* Психологія. Посібна книга для студентів педагогічних вищих шкіл. Київ, 1939.

Костюк 1941 - *Костюк Г.С.* Психологія. Посібна книга для студентів педагогічних вищих шкіл. Друге видання, стереотипне. Київ, 1941.

Кукулин И.В. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960-1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 169-201

Культурное строительство в СССР 1956 - Культурное строительство в СССР. М.: Госстатиздат, 1956.

Левина 1936 - *Левина Р.Е.* К психологии детской речи в патологических случаях (автономная детская речь). М.: Экспериментально-дефектологический институт им. М.С. Эпштейна, 1936.

Лурия 1994 - *Лурия Е.А.* Мой отец А.Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994.

Огурцов, А. П. (1993). Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций). *Философские Исследования*, (3), 12–59 (http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_24.html).

Рубинштейн 1934 - *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 7 (1). С. 3-20.

Рубинштейн 1935 - *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. Пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1935.

Рубинштейн 1940 - *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1940.

Солодухо А.С. (2004). Трансформация научного дискурса идейного наследия Л.С. Выготского. Белорусский психологический журнал, 2004, №2. С. 4-10 (<http://elib.bsu.by/handle/123456789/11784> или http://media.miu.by/files/store/items/pj/2/pj_02_2004_1.pdf).

Стексова, Т.И. и Ковригина, М.А. (2009). Критические замечания в научном дискурсе Л.С. Выготского. Вестник Томского Государственного Университета. Филология. № 2(6), с. 5-10 (<http://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskie-zamechaniya-v-nauchnom-diskurse-l-s-vygotskogo>).

Узнадзе 1940 - *Узнадзе Д.Н.* Общая психология. Тбилиси, 1940.

Фейгенберг 1996 - Л.С. Выготский: начало пути: Воспоминания С.Ф. Добкина о Льве Выготском: [Публикация, редакция, предисловие и комментарии И.М. Фейгенберга]; Ранние статьи Л.С. Выготского. Иерусалим: Иерусалимский издательский центр, 1996.

Хромов, Г. (2002). Российская академия наук: история, мифы и реальность. *Отечественные Записки*, (7), 206–218 (http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_24.html).

Щедровицкий 2001 - *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001.

Эткинд 1990 - *Эткинд А.М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 13-21.

Якобсон 1936 - *Якобсон П.М.* Психология сценических чувств актера. М.: Гослитиздат, 1936.

Ясницкий, А. (2010). Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-30-х гг. Вопросы психологии, (3), 101–112.

Ясницкий, А. (2011а). Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920-30-х годов. Вопросы психологии, (1), 124–136.

Ясницкий, А. Изоляционизм советской психологии? Ученые, "импорт-экспорт" в науке и власть // Вопросы психологии. – 2011б. - №6. - С. 108-121

Ясницкий, А. Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и "импорт" психологии // Вопросы психологии. – 2012а. - №1. - С. 100-112

Ясницкий, А. Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей // Вопросы психологии. – 2012б. - N 2. - С. 66-79.

Ясницкий, А. Реконструкция поездки А. Р. Лурии на IX международный психологический конгресс // Вопросы психологии. – 2012в. - № 4. - С. 86-93.